

И.С. БУКИНА

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ИНВЕСТИЦИИ КАК ФАКТОР СТРУКТУРНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: РОЛЬ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

В статье рассматриваются эффекты бюджетного финансирования, направляемого на решение задачи по структурной трансформации российской экономики. В силу отсутствия детализированных данных по расходам консолидированного бюджета Российской Федерации анализ проводится по агрегированным показателям инвестиций, осуществляемых за счет бюджетных средств. Показано, что напрямую такие инвестиции не коррелируют ростом ВВП, но оказывают влияние на динамику инвестиций за счет собственных средств организаций. По результатам анализа дана оценка вкладов отдельных видов экономической деятельности в процесс структурной перестройки российской экономики.

Ключевые слова: бюджет, бюджетно-налоговая сфера, бюджетный стимул, государственная программа, инвестиции, национальные проекты, структурная трансформация, технологический суверенитет.

УДК: 336.027, 336.142.2, 336.152

EDN: YBDSEM

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_24_46

Введение

Задача структурной трансформации, проводимой в условиях рыночной экономики, актуализирует вопросы о роли государственных расходов. Если эффективность бюджетно-налоговой политики в части контрциклического регулирования в целом не вызывает сомнений [14], то ее единственность как инструмента стимулирования экономического роста остается предметом дискуссий [15; 16; 18]. Традиционный кейнсианский рецепт по увеличению совокупного спроса оказывается эффективным в краткосрочном периоде, когда требуется «оживить» деловую активность [3]. В условиях недостатка предложения, особенно в случае структурных диспропорций, требуются более тонкие и точечные инструменты бюджетного финансирования. Их эффект заключается не в объемах затраченных средств и их мультипликации,

а в создании эффектов «перелива» из бюджетных инвестиций в частные, механизмов стимулирования смежных отраслей, кооперативных связей для формирования точек экономического роста и повышения инновационной активности.

Бюджетные средства влияют на экономический рост в долгосрочной перспективе, прежде всего благодаря финансированию целевых инструментов и механизмов, стимулирующих перераспределение ресурсов в приоритетные сектора. Устойчивый рост благосостояния обусловливается научно-техническим прогрессом [22], который, в свою очередь, зависит от множества факторов: от развития фундаментальной науки и прикладных разработок, качества человеческого капитала, наличия инфраструктуры и институтов, способствующих возникновению и внедрению инноваций [13; 21]. Таким образом, экономическая политика должна предложить инструменты и механизмы поддержки соответствующих секторов. Одновременно большинство применяемых мер, например таких, как финансирование образования и здравоохранения, развитие телекоммуникационных технологий, являются классическим бюджетным стимулом совокупного спроса. Этим государственное вмешательство и обязано критике, особенно со стороны категорически настроенных противников инфляции и бюджетных дефицитов [8; 11; 17; 19].

Создание стимулов для совокупного предложения, а тем более для изменения сложившейся структуры экономики, требует согласованной настройки всех направлений экономической политики, реализация которых опосредуется бюджетно-налоговой системой. Здесь правительство вновь сталкивается с узлом противоречий: выбором между наличием ресурсов и достижением целевых показателей; решениями о перераспределении ресурсов между текущими и будущими поколениями; выбором между бюджетной консолидацией и финансированием государственного долга. В литературе достаточно исследований по каждой из названных выше проблем. Однако критически не хватает комплексных работ, где была бы осуществлена попытка рассмотреть бюджетно-налоговую систему и бюджетно-налоговую политику в контексте изменений структуры экономики.

В рамках настоящего исследования поставлена цель определить возможности влияния бюджетной системы на изменение структуры производства в России, происходящее после 2022 г. Достижение указанной цели предполагает обзор литературы по вопросам комплексной оценки эффектов бюджетно-налоговой политики, тестирование классических методов статистического и эконометрического анализа, а также анализ инвестиционной активности по отдельным видам экономической деятельности, которые можно отнести к драйверам структурной трансформации.

Обзор литературы

Воздействие санкций, geopolитическая неопределенность и насущная необходимость структурной трансформации остаются главными темами отечественных исследований. Роль бюджета и бюджетно-налоговой политики многократно усилилась в условиях финансовых и внешнеторговых ограничений. При этом сочетание ограничений как со стороны спроса, так и со стороны предложения, как отмечает А.Д. Некипелов, определяет критическую сложность текущей ситуации [9, с. 131]: одни и те же меры экономической политики могут быть эффективны для поддержки одного направления, но ограничивать другое. Эмбарго на экспорт российской нефти и нефтепродуктов при параллельном запрете ввоза в нашу страну высокотехнологичного оборудования, по мнению А.Д. Некипелова, само по себе нацелено на создание «структурного шока» в экономике. Однако оперативные контрмеры помогли смягчить шок со стороны спроса переориентировкой экспортных потоков в другие страны, а со стороны предложения – ростом отечественных импортозамещающих производств и активацией параллельного импорта [9]. Вместе с тем Е.Б. Ленчук и соавторы отмечают, что отставание в технологическом развитии России сохраняется, а в части секторов усугубляется в связи с запретом на ввоз критически важного оборудования. Задача достижения технологического суверенитета далека от решения в сфере производства современных полупроводников, сетевого оборудования для интернета, технологий искусственного интеллекта, современных материалов, биотехнологий, производства современного медицинского оборудования, фармацевтики и т. д. [6].

Исследователи единодушны в том, что структурная перестройка российской экономики невозможна без научно-технического развития, что, в свою очередь, требует финансирования как фундаментальной науки, так и прикладных разработок [6; 9; 12]. По расчетам ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, мультиплексор расходов на НИОКР составляет 1,43. Кроме того, внедрение результатов научных исследований и разработок повышает эффективность (общую производительность факторов), что дает прирост ВВП еще на 10–12 копеек в расчете на дополнительно затраченный рубль расходов на НИОКР [12]. Однако без увеличения накопления основного капитала расходы на НИОКР сами по себе не способны генерировать устойчивый рост. А.А. Широев уточняет, что важны не объемы инвестиций в основной капитал, а их качественное наполнение. Наращивание нормы накопления сверх оптимального уровня, как показал еще Э. Феллпс, утнетает потребление и ухудшает качество жизни населения [20]. В текущих условиях нехватка инвестиционных товаров для осуществления структурно-технологической перестройки оценива-

ется в 2 млрд руб., или 5% ВВП [12]. Рост инвестиционной активности, отмечавшийся в 2022–2024 гг., во многом связан с увеличением производства военно-промышленной продукции [6;12]. Соответственно, долгосрочный эффект от подобных инвестиций будет определяться возможностями конверсии. Таким образом, задачей ближайших лет остается потребность в наращивании основного капитала, но не в целом, а по приоритетным направлениям, обеспечивающим структурную перестройку и технологический суверенитет.

Важным аспектом, влияющим на эффективность инвестиций, финансируемых за счет бюджетных средств, является качество управления проектами. С.В. Козлова отмечает возросшую роль институтов управления государственным имуществом в сложившихся за последние годы реалиях geopolитической нестабильности, выделяя при этом две, существующие одновременно тенденции – рост числа сделок по приватизации и деприватизация у недобросовестных собственников [5]. Очевидным мотивом для этого явления можно назвать необходимость пополнения бюджета в ситуации обвала нефтегазовых доходов. Однако есть и другой мотив – повышение эффективности управления имеющимися активами, активизация перелива инвестиционных ресурсов из государственного сектора в частный, освоение смежных секторов. Совершенствование институтов управления государственным имуществом предполагает координацию с частными инвесторами, учет имеющихся активов при стратегическом планировании, достижение поставленных правительством приоритетов и мониторинг ключевых показателей эффективности [5].

В текущей ситуации первоочередным источником стимулирования структурно-технологических сдвигов становится бюджетно-налоговая система. Хотя нагрузка на бюджетную систему возросла, бюджетный импульс в 2022–2024 гг. стал основой поддержки российской экономики [10]. Однако, как отмечает И.А. Николаев, он не может стать долгосрочным базовым фактором экономического роста в силу множества ограничений, таких как рост бюджетного дефицита, необходимость повышать налоговую нагрузку для компенсации сокращающихся нефтегазовых доходов, жесткая денежно-кредитная политика, высокие ставки по внутренним заимствованиям и пр. [10].

Неоднозначен и эффект реализации средств, выделяемых в рамках бюджетного импульса. Так, А.Н. Клепач, опираясь на исследования Института ВЭБ, указывает на снижение скорости движения бюджетных средств и накопление значительных бюджетных остатков. В 2022 г. их объем достигал 8,7% ВВП [4, с. 126]. Иными словами, изъятие средств из экономики более чем в шесть раз превышало народно-хозяйственные потери из-за кризиса 2022 г. О проблеме избытка бюджета более 10 лет назад также писал В.Е. Маневич [7]. Инерционность бюджетных

расходов при необходимости мобилизации средств в периоды кризисов становится фактором, тормозящим структурную модернизацию. Как отмечает А.Н. Клепач, расходы на образование, науку, здравоохранение хотя и обозначаются как приоритетные, «однако относительный и реальный уровень их финансирования стагнирует много лет, за исключением отдельных временных скачков» [4, с. 127].

В коллективном докладе ИЭ РАН [6] отмечается наличие большого числа инструментов поддержки инвестиционной и инновационной активности, разработанных в последние годы, а также формирование соответствующих институтов развития. Вместе с тем их эффективность снижает плохая взаимосвязанность и большое число функциональных пересечений. Аналогичная картина наблюдается в отношении государственных программ. С одной стороны, бюджетное финансирование посредством программно-целевого подхода снимает ряд сложностей, характерных для привлечения средств через институты развития, поскольку позволяет четко увязывать выделенные ресурсы с результатами проектов в рамках поставленных целей и задач. С другой стороны, нагромождение проектов и программ разного уровня затрудняет их мониторинг и оценку эффективности. Зачастую программы финансируются не только за счет средств федерального бюджета, но и за счет внебюджетных источников, налоговых расходов, что продуцирует риски их реализации [6, с. 53–54].

В рамках настоящего исследования интерес представляет не весь объем государственных расходов, и даже не объем бюджетного импульса, а только та часть финансовых ресурсов, которая выделяется из бюджета для стимулирования инвестиций в те производства и в ту инфраструктуру, которые способствуют структурной трансформации. Строго говоря, в эту совокупность также включаются недополученные налоговые доходы бюджета из-за предоставления льгот и преференций. Однако в настоящем исследовании в анализ включаются только средства расходной части бюджета, поскольку оценка влияния налоговых льгот и преференций требует отдельного масштабного анализа.

Инвестиции в основные фонды: структура по источникам финансирования и роль бюджетных средств

С 2022 г. система государственной поддержки инвестиций оперативно пересматривается в пользу приоритетных направлений. Основными формами предоставления помощи организациям и предпринимателям являются льготные заемные средства, налоговые преференции, безвозмездные целевые средства, прочие послабления. Данные формы могут применяться независимо друг от друга (например, льготные кредиты на инвестиционные цели, инвестиционный нало-

говый кредит и т. п.) либо объединяться в систему мер поддержки. К последним можно отнести Соглашения о защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации (СЗПК)¹. Участие в СЗПК доступно только для осуществления крупных инвестиционных проектов, в отношении которых организации получают возмещение капиталовложений в инфраструктуру, льготное кредитование, налоговые льготы в части федеральных, региональных и местных налогов, а также «стабилизационную оговорку», обеспечивающую неизменность законодательства по ряду направлений на установленный срок.

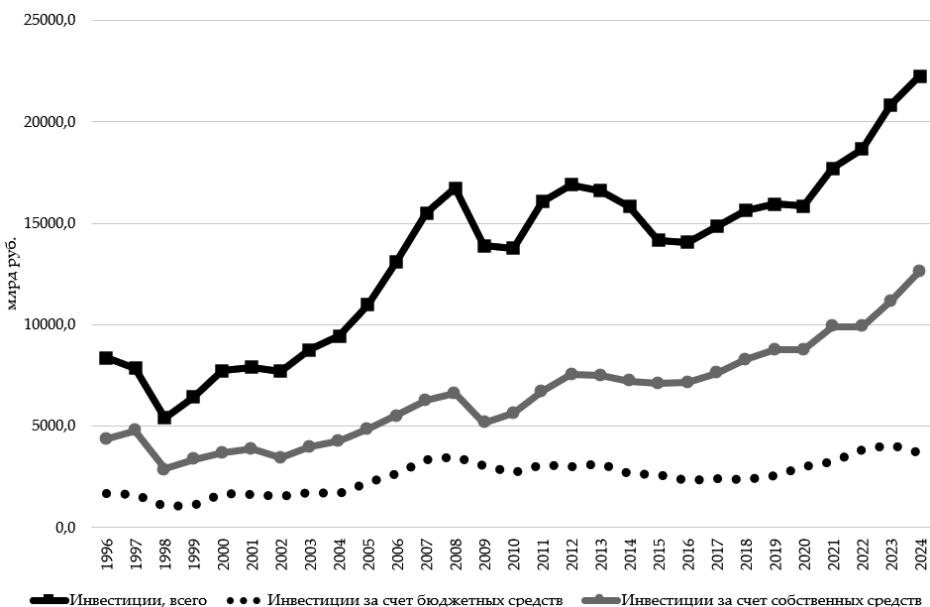
В комплексные инструменты стимулирования структурной и технологической перестройки также включаются специальные инвестиционные контракты (СПИК), Кластерная инвестиционная платформа (КИП), промышленная ипотека, Фабрика проектного финансирования и прочие меры поддержки, объединенные Государственной информационной системой промышленности (ГИСП)². В рамках системы бюджетного планирования подобную функцию выполняют государственные программы.

В 2022–2024 гг. инвестиции в основной капитал выросли на 39,5% по отношению к 2021 г. При этом, как видно из рис. 1, основным драйвером стали инвестиции за счет собственных средств организаций. Динамика инвестиций, источником которых служат бюджетные средства, до 2010 г. повторяла колебания инвестиций, осуществляемых организациями за счет собственных средств. Доля инвестиций за счет бюджетных средств колебалась от 17,0 до 22,0% в общей сумме инвестиций в основной капитал. После мирового финансового кризиса объем инвестиций к 2012 г. восстановился на докризисном уровне. При этом доля инвестиций за счет бюджетных средств устойчиво снижалась. После 2014 г. динамика инвестиций окончательно «разошлась»: финансирование за счет собственных средств росло, а за счет бюджетных средств – заметно снизилось. Только в 2021 г. объем инвестиций в основной капитал за счет бюджетных средств достиг уровня 2007 г. (в сопоставимых ценах 2021 г.). Их удельный вес составил 18,3%.

В 2022 г. инвестиции в основной капитал получили мощный стимул в связи с международными финансовыми и внешнеторговыми санкциями. Ограничения на вывод средств из России и вынужденное импортозамещение стимулировали инвестиции в основные фонды.

¹ Постановление Правительства РФ от 13.09.2022 № 1602 (ред. от 15.07.2025) «О соглашениях о защите и поощрении капиталовложений» // Собрание законодательства РФ. 26.09.2022. № 39. Ст. 6602. СПС «КонсультантПлюс».

² Государственная информационная система промышленности. <https://gisp.gov.ru/mainpage/> (дата обращения: 15.09.2025).

Рассчитано по: Структура инвестиций в основной капитал по источнику финансирования. Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/inv_if_1995-2024.xls; ВВП (1995–2024 гг.). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GDP-years-of-use_1995-2024.xls (дата обращения: 10.09.2025).

Рис. 1. Инвестиции в основные фонды в постоянных ценах 2021 г., млрд руб.

Бюджетные средства, направляемые в инвестиции, также существенно выросли. В 2022 г. по отношению к предыдущему году инвестиции за счет бюджетных средств выросли почти на 18,0% в реальном выражении, а их удельный вес – до 20,5%. В 2023 г. прирост был скромнее, но обогнал инфляцию на 7,5%. Однако в 2024 г. этот импульс истощился: инвестиции за счет бюджетных средств сократились почти на 10,0%. Тем не менее по сравнению с 2021 г. их объем вырос на 14,2%.

Актуальным остается вопрос об оценке эффекта направления бюджетных средств на финансирование инвестиций. В отсутствие детализированной статистики по расходам консолидированного бюджета России предлагается опираться на косвенные показатели и оценки.

По оценкам, полученным А.О. Барановым и А.В. Гореевым [1] на основе динамической межотраслевой модели, значения мультипликаторов инвестиций по видам экономической деятельности (далее – ВЭД) может начинаться от 1,7–1,9 в первые годы вложений и достигать 4,9–5,2 в течение 10 лет. Таким образом, каждый вложенный рубль инвестиций в основные фонды потенциально может принести дополнительно от 1,7 до 5,2 руб. ВВП.

Корреляционный анализ, проведенный в рамках настоящей работы, показал слабую, но положительную связь между приростом

ВВП и приростом инвестиций в основной капитал, осуществляемых за счет собственных средств организаций³. Коэффициент корреляции на квартальных данных (в постоянных ценах 2021 г.) для периода с I квартала 2014 г. по IV квартал 2024 г. составил 0,4 (при уровне значимости 1%). Для инвестиций за счет бюджетных средств и прироста выпуска коэффициент корреляции оказался статистически незначимым. Таким образом, прямая оценка влияния бюджетных инвестиций на ВВП оказалась невозможной.

Оценка динамического взаимодействия переменных в условиях, когда показатели меняются не только при воздействии друг на друга, но и в ответ на собственные колебания, может проводиться с использованием моделей векторной авторегрессии (VAR). Для целей настоящего исследования были протестированы различные варианты VAR-моделей, лучшей из которых стала следующая:

$$Y_t = A + B_1 Y_{t-1} + B_2 Y_{t-2} + B_3 Y_{t-3} + B_4 Y_{t-4} + B_5 Y_{t-5} + B_6 Y_{t-6} + \varepsilon_t \quad (1)$$

где $Y_t = \begin{bmatrix} g_t \\ x_t \\ z_t \end{bmatrix}$ – вектор эндогенных переменных в период t ,

g_t – прирост логарифмированных значений ВВП, x_t – прирост логарифмированных значений инвестиций, финансируемых за счет бюджетных средств, z_t – прирост логарифмированных значений инвестиций, финансируемых за счет собственных средств,

$A_t = \begin{bmatrix} a_1 \\ a_2 \\ a_3 \end{bmatrix}$ – вектор констант,

$B_i = \begin{bmatrix} \beta_{1i} & \gamma_{1i} & \delta_{1i} \\ \beta_{2i} & \gamma_{2i} & \delta_{2i} \\ \beta_{3i} & \gamma_{3i} & \delta_{3i} \end{bmatrix}$ – матрица коэффициентов каждой переменной для лага i ($i = 1 \dots 6$),

$\varepsilon_t = \begin{bmatrix} \varepsilon_{1t} \\ \varepsilon_{2t} \\ \varepsilon_{3t} \end{bmatrix}$ – вектор случайных ошибок.

Неструктурированная модель с шестью лагами показала лучшие результаты по ряду стандартных тестов: на стационарность (расчет

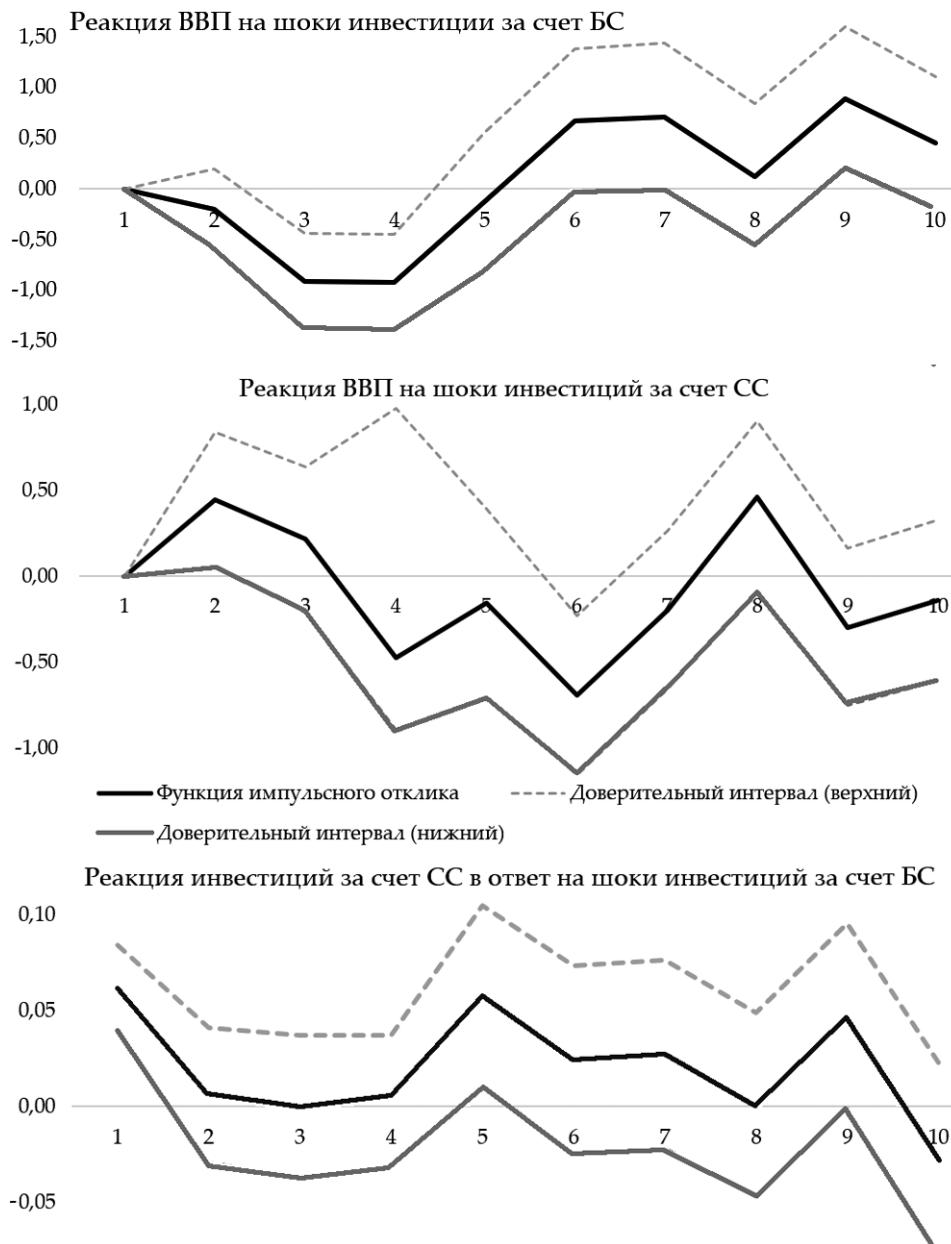
³ Предварительно данные были скорректированы на инфляцию и сезонность. Поскольку ряды данных характеризуются нестационарностью, потребовались дальнейшие преобразования в виде первых разностей логарифмированных значений каждого показателя.

корней характеристического полинома – AR-roots), на длину лагов (критерии Акаике и Шварца), на остаточную сериальную корреляцию (Q-статистика Бокса-Пирса/Льюнга-Бокса) и т.п. Оцененные коэффициенты уравнений не представляют интереса в модели векторной авторегрессии, поскольку они не имеют экономической интерпретации. Содержательный анализ позволяют провести функции импульсных откликов, разложение дисперсии для оценки вклада каждой переменной в дисперсию того или иного показателя, расчет динамических мультиликаторов.

Функции импульсных откликов позволяют оценить прогнозируемое изменение каждой переменной в ответ на шоки (случайные колебания) самой себя и остальных переменных в динамике (обычно – в течение 10 периодов (лагов)). В данном исследовании анализируется влияние бюджетного импульса на российскую экономику, поэтому рассмотрим только те импульсные отклики, которые позволяют протестировать это влияние. На рис. 2 объединены функции импульсных откликов (разложение Холецкого), полученные в результате оценки модели (1). Расчет производился с использованием квартальных данных, скорректированных на инфляцию и сезонность, за период с I квартала 2014 г. по IV квартал 2024 г. Как видно из верхнего графика на рис. 2, прирост ВВП (в %) в ответ на увеличение инвестиций за счет бюджетных средств на величину одного стандартного отклонения (14,9%) снижается первые пять лагов (пять кварталов, поскольку использовались квартальные данные). Накопленный эффект достигает положительных значений только начиная с шестого лага (т.е. через 1,5 года) и затухает к десятому (через 2,5 года). Таким образом, в динамике влияние инвестиций, финансируемых за счет бюджетных средств, на прирост ВВП оказалось противоречивым и несущественным. Накопленный мультиликативный эффект близок к нулю.

В ответ на прирост инвестиций, осуществляемых за счет собственных средств, на одно стандартное отклонение (16,5%) ВВП растет первые три лага (до III квартала включительно), затем снижается почти на 1,0% (см. центральный график на рис. 2). Накопленный эффект собственных инвестиций на ВВП также практически не отличим от нуля на горизонте десяти лагов (2,5 лет).

При построении функций импульсных откликов в модели векторной авторегрессии реакция собственных инвестиций в ответ на прирост инвестиций, финансируемых за счет бюджетных средств, оказалась противоречивой. Первые два лага (до II квартала) инвестиции незначительно (менее, чем на 5,0%) растут в ответ на прирост инвестиций, финансируемых за счет бюджетных средств. Через три лага (в III квартале) наблюдается резкое падение, а затем рост и затухание через девять лагов (к началу третьего года) (см. рис. 2).

Примечание: БС – бюджетные средства, СС – собственные средства.

Рассчитано по: Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования. Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/inv_if_1995-2024.xls; ВВП (1995–2024 гг.). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GDP-years-of-use_1995-2024.xls (дата обращения: 10.09.2025).

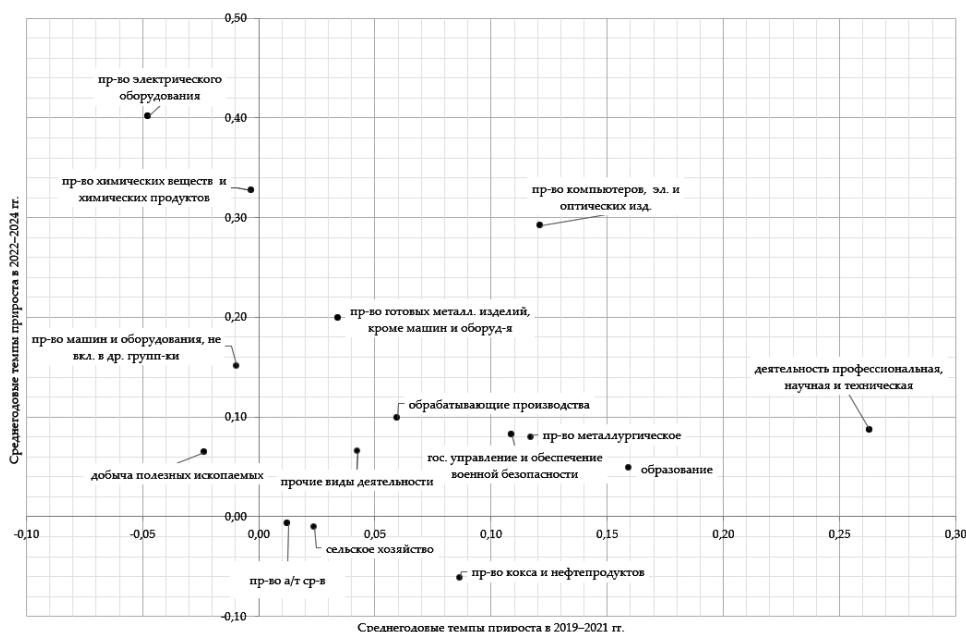
Рис. 2. Функции импульсных откликов (накопленные) в ответ на шоки переменных (+/- 2 ст. откл.), % (расчет производился с использованием квартальных данных, скорректированных на инфляцию и сезонность, за период с I квартала 2014 г. по IV квартал 2024 г.)

Как следует из проведенного анализа, стандартные статистические и эконометрические методы не позволяют оценить влияние бюджетного импульса на макроэкономические показатели. Совокупность инвестиций, финансируемых за счет средств бюджетов бюджетной системы РФ, имеет противоречивое воздействие на динамику ВВП. В этой связи требуются другие подходы к анализу, которые предполагают декомпозицию бюджетных стимулов и инвестиций по видам экономической деятельности.

Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности

Анализ инвестиций по видам экономической деятельности (ВЭД) проводится в группировке, отражающей приоритеты структурной трансформации российской экономики, развития импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета. В качестве «контрольной группы» рассматриваются те виды экономической деятельности, которые можно отнести к традиционным для структуры российского выпуска (сельское хозяйство и добыча полезных ископаемых). На рис. 3 инвестиции по ВЭД, образующие четыре квадранта, распределены в координатах: ось абсцисс – среднегодовые темпы прироста инвестиций в основной капитал в 2019–2021 гг.; ось ординат – те же темпы прироста, но в 2022–2024 гг.⁴ Первый квадрант («флагманы») отражает положительный рост инвестиций в основной капитал как до, так и после 2022 г., что обеспечивает устойчивую траекторию роста производства в рамках этих ВЭД. Во второй квадрант попали ВЭД, которые из отстающих вырвались вперед («спринтеры»): отрицательные темпы прироста инвестиций в 2019–2021 гг. сменились положительными после 2022 г. Третий квадрант характеризуется отрицательными темпами прироста инвестиций в основной капитал как до, так и после 2022 г., т. е. отражает катастрофическое отставание («выбывшие»). Ни один ВЭД не попал в данную категорию. В четвертом квадранте оказались ВЭД, которые затормозили свою инвестиционную активность («аутсайдеры»). До 2022 г. у них были положительные темпы прироста инвестиций в основной капитал, а после 2022 г. сменились падением.

⁴ Среднегодовые данные рассчитаны как среднее геометрическое от темпов роста инвестиций в основной капитал по ВЭД с поправкой на инфляцию (по дефлятору валового накопления основного капитала). Источник: ВВП (1995–2024 гг.). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GDP-years-of-use_1995-2024.xls (дата обращения: 10.09.2025).

Рассчитано по: Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации по видам экономической деятельности. Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Inv-OKVED2_2024.xls (дата обращения: 10.09.2025); ВВП (1995–2024 гг.). Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GDP-years-of-use_1995–2024.xls (дата обращения: 10.09.2025).

Рис. 3. Среднегодовые темпы прироста инвестиций в основной капитал по отдельным видам экономической деятельности в 2019–2021 и 2022–2024 гг.

В группу «флагманов» попали обрабатывающие производства в целом, что свидетельствует как минимум о сохранении сложившейся промышленной структуры. Что касается приоритетных видов экономической деятельности, то выделяются следующие: производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования; металлургическое производство.

Инвестиции в производство компьютеров, электронного и оптического оборудования показывали высокие темпы роста, как до, так и после 2022 г. Так, в 2019–2021 гг. инвестиции росли на 12,1% ежегодно, а в 2022–2024 гг. – на 29,2%. Как отмечает С.А. Ильина, с 2021 г. кратно возросло государственное финансирование электронной промышленности [2, с. 47]. В 2022–2025 гг. объем выделенных средств в рамках государственной программы «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности» составил порядка 181,6 млрд руб.⁵ Среднегодовые

⁵ На 2025 г. приведена оценка. Рассчитано на основе сведений из пояснительных записок к законопроектам «О федеральном бюджете...» на 2023–2026 гг. <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 06.10.2025).

темпы роста инвестиций в производство готовых металлических изделий (кроме машин и оборудования) увеличились с 3,4% в 2019–2021 гг. до 19,9% в 2022–2024 гг., получив мощную подпитку за счет бюджетных средств в рамках военных заказов. Ситуация в металлургическом производстве иная – до 2022 г. инвестиции в среднем росли на 11,7% в год, а в 2022–2024 гг. – на 8,0%. Темпы роста инвестиций снизились, но все еще позволяют наращивать капитал. Санкции и ужесточение ряда налоговых условий пошатнули позиции производителей, тем не менее это не привело к коллапсу инвестиционной активности.

Стабильная динамика инвестиций в основной капитал характерна для государственного управления и обеспечения военной безопасности: среднегодовые темпы роста незначительно снизились в 2022–2024 гг., но остались в положительной зоне. Некоторые опасения вызывают показатели инвестиций по таким ВЭД, как образование и профессиональная, научная и техническая деятельность. Получившиеся точки оказались в первом квадранте, однако из рис. 3 видно, что среднегодовые темпы роста инвестиций до 2022 г. были существенно выше. Так, инвестиции в образование в 2019–2021 гг. росли на 16,0% в год, аналогичный показатель по науке превышал 26,0%. С 2022 г. среднегодовые темпы роста инвестиций сократились до 4,8 и 8,7% соответственно. Эти виды деятельности, во-первых, играют ключевую роль в обеспечении долгосрочного роста экономики, поскольку являются факторами научно-технического прогресса. Во-вторых, традиционно в России образование и наука (в том числе прикладная) финансировались почти исключительно за счет бюджетных средств. И резкое снижение темпов роста инвестиций после 2022 г. создает угрозу замедления структурной трансформации, рассматриваемой как необходимый технологический сдвиг в сторону укрепления собственной научной и производственной базы, что сведет на нет первоначальный импульс, заданный внешними ограничениями и бюджетным стимулированием.

Во втором квадранте оказались три вида экономической деятельности из числа анализируемых – производство машин и оборудования (не включенных в другие группировки), производство химических веществ и химических продуктов, производство электрического оборудования и один вид из «контрольной группы» – добыча полезных ископаемых. В 2019–2021 гг. инвестиции в основные фонды в среднем снижались: на 4,7% в год – в производстве электрического оборудования, на 1,0% ежегодно – в производстве машин и оборудования, на 0,3% – в химическом производстве. Однако в 2022–2024 гг. среднегодовые темпы роста инвестиции в производстве электрического оборудования превысили 40,0%, в химическом производстве – 32,0%, в производстве машин и оборудования – 15,0%.

Производители электрического оборудования, благодаря созданной базе и наращиванию собственных инвестиций, смогли воспользоваться уходом иностранных конкурентов с российского рынка. Существенную поддержку производители получили за счет роста жилищного строительства⁶. Роль бюджетных средств для инвестиций в производство электрического оборудования не является определяющей, но оказывает косвенное влияние. Так, стимулом для роста объемов жилищного строительства стала программа субсидирования ипотечного кредитования. Кроме того, отечественные организации получают льготные кредиты и возмещение затрат на приобретение отечественного электрического оборудования. Развитие электрического общественного транспорта, финансируемое за счет бюджетных средств, приводит к росту спроса на отечественные электрические аккумуляторы, производство которых за 2022–2024 гг. выросло в 2,1 раза⁷.

Производство машин и оборудования сократилось по всем видам деятельности, кроме производства станков и прочих машин специального назначения, индекс выпуска по которым вырос в 1,8 раза за 2022–2024 гг.⁸ Рост инвестиций по этим направлениям, связанным с производством военной техники и соответствующего оборудования, обеспечивался бюджетными средствами.

Химическое производство в 2022–2024 гг. росло как за счет собственных вложений организаций, так и за счет бюджетного финансирования. Отечественные производители удобрений и пестицидов получили конкурентное преимущество из-за роста и внутреннего, и внешнего спроса. Внутренний спрос обеспечивается ростом сельскохозяйственного производства (в том числе в рамках импортозамещения), а рост внешнего спроса связан с удорожанием газа в Европе и, как следствие, повышением цен на химическую продукцию. Среди отечественных производителей удобрений – крупные акционерные компании с большими инвестиционными бюджетами и возможностью привлекать средства на фондовом рынке: ПАО «ФосАгро», ПАО «АКРОН», АО «МХК «ЕвроХим» и т. д. Что касается роли бюджетных средств, то речь идет о производстве других химических веществ, которое выросло на 30% за 2022–2024 гг. Сюда входит производство взрывчатых веществ, которые используются для производства вооружения и снабжения армии.

⁶ Как локализуется в России производство электротехнических товаров. РБК Отрасли. 27 июня 2024 г. <https://www.rbc.ru/industries/news/667d045d9a79473d63c002c6> (дата обращения: 06.10.2025).

⁷ Рассчитано по данным: Индексы производства по отдельным видам экономической деятельности по Российской Федерации. Росстат. https://rossstat.gov.ru/storage/mediabank/Ind_baza_2018_08-2025.xlsx (дата обращения: 06.10.2025).

⁸ Там же.

Наконец, рассмотрим виды экономической деятельности из четвертого квадранта. В «аутсайдерах» оказались два ВЭД из числа анализируемых (производство автотранспортных средств и производство кокса и нефтепродуктов) и один – из «контрольной группы» (сельское хозяйство). Среднегодовые темпы роста инвестиций в производство кокса и нефтепродуктов в 2019–2021 гг. составляли 8,7%, а в 2022–2024 гг. инвестиции в среднем снижались на 6,2%. Переработка коксующегося угля и нефти оказалась под двойным ударом из-за санкций как на экспорт продукции, так и на импорт оборудования. Отчасти удалось перенаправить потоки экспорта нефтепродуктов в дружественные страны. Однако дефицит производственных мощностей, регулярные террористические атаки на нефтеперерабатывающие заводы, отсутствие сопоставимых аналогов отечественного оборудования блокируют инвестиционную активность компаний. В периоды повышенного спроса на топливо (середина лета – начало осени) Правительство России прибегает к запрету на его экспорт. Поддержкой для производителей выступает только демпферный механизм (акциз на переработку сырой нефти), который приводит к потерям нефтегазовых доходов. Однако задачу стимулирования инвестиций в расширение производства топлива этот механизм не решает.

С производством автотранспортных средств иная ситуация – эта сфера поддерживается государством в течение многих лет. В 2019–2021 гг. инвестиции в производство автотранспортных средств росли с темпом 1,3% ежегодно, что, однако, само по себе не способно было привести к качественному технологическому скачку. В 2022–2024 гг. инвестиции в среднем сокращались на 0,7% в год. Автопроизводители также получили преимущество из-за ухода иностранных конкурентов, запрета на экспорт дорогостоящих автомобилей в Россию, но в полную силу не смогли им воспользоваться. Несмотря на выделенные в 2022–2024 гг. из федерального бюджета 943,5 млрд руб.⁹, производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов к концу 2024 г. сократилось на 27,9% по сравнению с началом 2022 г.¹⁰

Что касается сельского хозяйства, то оно также регулярно получает подпитку за счет бюджетных средств. Система мер поддержки сельского хозяйства разнообразна и включает в себя инструменты стимулирования как спроса, так и предложения. Потребители сельскохозяй-

⁹ Рассчитано на основе сведений из пояснительных записок к Законопроектам «О федеральном бюджете...» за 2023–2025 гг. <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 06.10.2025).

¹⁰ Рассчитано по данным: Индексы производства по отдельным видам экономической деятельности по Российской Федерации. Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ind_baza_2018_08-2025.xlsx (дата обращения: 06.10.2025).

ственной продукции получают субсидии, и, кроме того, государство напрямую закупает сельскохозяйственную продукцию. Предоставляются льготные кредиты, субсидии, налоговые льготы для производителей сельскохозяйственной продукции, производства сельскохозяйственной техники, осуществляется поддержка сельскохозяйственной инфраструктуры, кооперативов, традиционных промыслов и т. д. Вместе с тем среднегодовые темпы роста инвестиций в 2019–2021 гг. составляли лишь 2,4%, а в 2022–2024 гг. произошло сокращение инвестиций на 1,1%. При этом российские производители сельскохозяйственной продукции с 2014 г. успешно замещают импортные товары, а после 2022 г. они получили конкурентное преимущество из-за опережающего роста издержек производства сельскохозяйственной продукции в мире и сокращения производства зерна в Восточной Европе.

В элементе «прочие виды деятельности» объединены инвестиции по тем ВЭД, которые нельзя напрямую отнести к обеспечению структурной трансформации. Они показывали небольшие, но положительные среднегодовые темпы роста инвестиций как в 2019–2021 гг., так и в 2022–2024 гг. Таким образом, сложившаяся структура российской экономики в целом сохранилась.

Как следует из проведенного анализа инвестиций по видам экономической деятельности, результаты выделения бюджетных средств для решения задач структурной трансформации и технологической модернизации неоднозначны. За период 2022–2024 гг. наибольшую результативность показывает производство продукции, имеющей стратегическое военное значение. Опережающими темпами растет не только выпуск подобной продукции, но и инвестиции в основные фонды. Однако в долгосрочном периоде эффекты будут определяться возможностями конверсии военной продукции и эффектом «перелива» технологий в гражданское производство. Государственная поддержка гражданских производств, способных обеспечить структурную перестройку и рост технологического суверенитета, в рассматриваемый период имела ограниченный эффект. Успешным примером (по количественным параметрам) может служить производство электронной и радиоэлектронной промышленности, «аутсайдером» остается производство автомобильного транспорта.

Перспективы государственного участия в финансировании структурной трансформации можно оценить на основе недавно подготовленного законопроекта «О федеральном бюджете на 2026 г. и на плановый период 2027 и 2028 годов»¹¹. Первое, что обращает на себя

¹¹ Комплект документов к проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1026181-8> (дата обращения: 01.10.2025).

внимание, – снижение данных по прогнозу инвестиций в 2026–2028 гг. (в сравнении с Законом № 419-ФЗ)¹². Законопроект составлен исходя из прогноза, что в 2026 г. инвестиции с поправкой на инфляцию вырастут менее чем на 1,0%, а в 2027–2028 гг. – на 3,9 и 3,4% соответственно (см. табл.).

Таблица

Некоторые параметры законопроекта «О федеральном бюджете на 2026 г. и на плановый период 2027–2028 гг.

Наименование	2025 (оценка)	2026 (законо- проект)	2027 (законо- проект)	2028 (законо- проект)
Инвестиции, млрд руб.	39 534,0	43 181,0	45 328,0	48 980,0
Расходы федерального бюджета, всего, млрд руб.	42 821,2	44 069,7	46 096,1	49 383,2
в т. ч.				
расходы на реализацию государственных программ, млрд руб.	37 969,3	33 070,6	33 289,8	35 713,9
в % к расходам федерального бюджета, всего	88,7	75,0	72,2	72,3
из них:				
расходы национальных проектов и государственных программ структурной и технологической модернизации, млрд руб.	7 147,5	8 279,9	9 010,0	9 839,5
в % к расходам на реализацию государственных программ	18,8	25,0	27,1	27,6
<i>Справочно:</i>				
Инфляция (по ИПЦ), %	6,8	4,0	4,0	4,0
Удельный вес расходов по разделу «Национальная оборона» в расходах федерального бюджета, всего, %	н/д	29,3	29,4	26,4

Рассчитано по: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1026181-8> (дата обращения: 01.10.2025).

Бюджетное финансирование мер по структурной трансформации и технологической модернизации осуществляется в основном посредством проектов и программ. Всего программная часть расходо-

¹² Федеральный закон от 30.11.2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» (последняя редакция). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969 (дата обращения: 01.10.2025).

дов федерального бюджета в 2025 г., по оценке, составит более 88,0%. В 2026 г. программные расходы неожиданно снижаются до 75,0%, а в 2027–2028 гг. до 72,0%. В составе самих программных расходов средства национальных проектов и государственных программ, мероприятия которых можно отнести к задачам структурной трансформации, занимают не более 30,0%. К подобного рода «структурным» проектам и программам были отнесены 13 национальных проектов (в частности, «Эффективная и конкурентная экономика», «Средства производства и автоматизации», «Новые атомные и энергетические технологии» и т. п.), а также 11 государственных программ, ряд из которых сопряжены с национальными проектами (например, «Экономическое развитие и инновационная экономика» и «Развитие атомного энергопромышленного комплекса»).

Следует отметить, что объем средств на «структурные» национальные проекты и государственные программы заметно возрастает уже в 2026 г. Если в 2025 г. предположительно будет затрачено около 7,2 трлн руб., то в 2026 г. эта сумма вырастет до 8,3 трлн руб. В 2027 и 2028 г. будет выделено более 9,0 и 9,8 трлн руб. соответственно. Таким образом, целевая направленность выделения бюджетных средств возрастает.

Расходы по разделу «Национальная оборона» остаются в 2026 и 2027 г. на уровне, близком к 30,0%. И только с 2028 г. запланировано снижение до 26,4%. С одной стороны, часть этих расходов выльется в рост инвестиций и производства по стратегическим направлениям – выпуск готовых металлических изделий, производство машин и оборудования, производство химических веществ. С другой стороны, высокий уровень военных расходов на фоне попыток Минфина России сократить бюджетный дефицит означает сокращение инвестирования по остальным направлениям.

Заключение

Проблема структурной трансформации и технологической модернизации российской экономики, которая долгое время была объектом научных интересов и формальным курсом государственной политики, после масштабного потрясения 2022 г. из стратегической цели стала условием национальной безопасности. Потребности в импортозамещении теперь сопутствует цель усиления технологического суверенитета. Катализатором изменений должна стать государственная политика, поскольку рыночных стимулов явно недостаточно. Даже в условиях жестких санкционных ограничений и угроз вторичных санкций, отечественные товары зачастую проигрывают конкуренцию зарубежной продукции, поставляемой по каналу параллельного импорта.

Оценки эффекта бюджетного импульса на перестройку структуры российской экономики, полученные по результатам корреляционного анализа, не подтвердили связи между инвестициями в основные фонды за счет бюджетных средств и ростом ВВП. При этом рост собственных инвестиций организаций коррелирует с ростом ВВП, что соответствует основным макроэкономическим концепциям. Выявлена также тесная связь между инвестициями, осуществляемыми за счет собственных средств, и объемами инвестиций из средств бюджетной системы.

Оценка импульсного отклика собственных инвестиций организаций и инвестиций за счет бюджетных средств, проведенная с использованием модели векторной авторегрессии, показала, что он носит характер затухающих колебаний. Рост наблюдается в первые два квартала, затем четыре лага наблюдаются колебания в пределах 5%. Таким образом, механизм трансформации бюджетных вливаний в собственную инвестиционную активность организаций подвергается влиянию противодействующих факторов. Одни действуют в пользу усиления эффекта бюджетного финансирования, другие – ослабляют или нивелируют первоначальный стимул. К последним можно отнести эффект вытеснения, слабость и ошибки управления, недобросовестное поведение и коррупцию, другие непредвиденные негативные факторы.

Косвенно охарактеризовать эффекты бюджетного стимулирования удалось, анализируя инвестиционную активность по отдельным видам экономической деятельности. При сравнении среднегодовых темпов роста инвестиций за периоды 2019–2021 гг. и 2022–2024 гг. среди «флагманов» оказались виды экономической деятельности, инвестиции в которых росли как до, так и после 2022 г. Здесь следует отметить производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования, и металлургическое производство, где можно проследить участие бюджетных средств, но в различных формах и масштабах. Так, в части производства готовых металлических изделий значимую роль играет военный заказ, т. е. прямое выделение средств на приобретение продукции, государственные инвестиции. Выделение субсидий, налоговых льгот, субсидирование льготного кредитования и финансирование инфраструктуры отразилось на росте инвестиций в производство компьютеров, электронных и оптических изделий. Металлургическое производство в большей степени ориентировано на собственные ресурсы и средства, привлекаемые с финансового рынка. Однако субсидирование программ льготной ипотеки и застройщиков привело к росту спроса на продукцию металлургии. Таким образом, прослеживается косвенное влияние бюджетного финансирования. Также

среди «флагманов» – образование и профессиональная, научная и техническая деятельность. Здесь влияние бюджетных средств, как правило, является определяющим. Однако отмечено кратное падение среднегодовых темпов прироста инвестиций по этим направлениям, что в долгосрочном периоде негативно скажется на темпах экономического роста.

Инвестиции в производство электрического оборудования, производство химической продукции и химических веществ и производство машин и оборудования снижались до 2022 г., но стремительно выросли в 2022–2024 гг. (группа ВЭД – «спринтеров»). Существенную роль бюджетное финансирование сыграло на предприятиях, производящих химические вещества, станки и прочие машины специального назначения, продукция которых используется для военных нужд. По остальным видам экономической деятельности этой группы бюджетное финансирование использовалось, но не было основным. В группе «спринтеров» оказалась и добыча полезных ископаемых, где осуществлялась косвенная бюджетная поддержка компаний в виде налоговых вычетов и прочих льгот.

Среди «аутсайдеров» – видов экономической деятельности, в которых темпы прироста инвестиций сменились отрицательными значениями после 2022 г., оказались производство кокса и нефтепродуктов, а также производство автотранспортных средств. Здесь также нельзя выделить единую схему: в первом случае производители серьезно пострадали от зарубежных санкций, а в случае с производством автотранспортных средств, несмотря на объемы выделяемых бюджетных средств, производителям не удалось воспользоваться преимуществом ухода иностранных конкурентов с российского рынка. В «аутсайдерах» оказался и такой традиционный для российской экономики вид деятельности, как сельское хозяйство, получающий разнообразную поддержку из бюджета.

Результаты проведенного анализа, как и предполагалось, показали, что значение имеет не только объем средств, выделяемых из бюджета на финансирование структурной трансформации, но и способность их освоить, воспользоваться имеющимися преимуществами, а также согласованность с другими направлениями экономической политики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Баранов А.О., Гореев А.В. Динамические мультиплекторы в экономике: результаты и интерпретация расчетов на примере России // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4. С. 46–59. [Baranov A.O., Goreev A.V. Dynamic Multipliers in the Economy: Results and Interpretation of Calculations Using the Russian Example // Problems of Forecasting. 2024. No. 4. Pp. 46–59. (In Russ.).] DOI: 10.47711/0868-6351-205-46-59.
2. Ильина С.А. Технологический суверенитет в полупроводниковой промышленности: миф или реальность? (на примере сегмента оборудования для производства полупроводников): Научный доклад. М.: Институт экономики РАН. 2023. [Ilyina S.A. Technological Sovereignty in the Semiconductor Industry: Myth or Reality? (Based on the Semiconductor Manufacturing Equipment Segment): Research Report. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. 2023. (In Russ.).]
3. Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег / Д.М. Кейнс. Москва: Директ-Медиа, 2014. [Keynes J.M. General Theory of Employment, Interest, and Money / J.M. Keynes. Moscow: Direct-Media, 2014. (In Russ.).]
4. Клепач А.Н. Бюджетная политика 2020–2026 годов: в условиях турбулентности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. №. С. 122–135. [Klepach A.N. Fiscal Policy for 2020–2026: Amid Turbulence // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2024. No. 1. Pp. 122–135. (In Russ.).] DOI: 10.38197/2072-2060-2024-245-1-122-135.
5. Козлова С.В. Трансформация институтов управления государственным имуществом: итоги 2022–2024 гг. // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 5. С. 42–57. [Kozlova S.V. Transformation of State Property Management Institutions: Results for 2022–2024 // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 5. Pp. 42–57. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2024_5_42_57. EDN: HWKQIA.
6. Ленчук Е.Б., Ахапкин Н.Ю., Лыкова Л.Н., Николаев И.А., Филатов В.И. Структурные изменения в российской экономике и политика технологической трансформации: Научный доклад / Е.Б. Ленчук (отв. ред.), Н.Ю. Ахапкин, Л.Н. Лыкова, И.А. Николаев, В.И. Филатов. М.: ИЭ РАН, 2025. [Lenchuk E.B., Akhakin N.Yu., Lykova L.N., Nikolaev I.A., Filatov V.I. Structural changes in the Russian economy and the policy of technological transformation: Scientific report / E.B. Lenchuk (ed.), N.Yu. Akhakin, L.N. Lykova, I.A. Nikolaev, V.I. Filatov. M.: Institute of Economics RAS, 2025. (In Russ.).]
7. Маневич В.Е. Монетарная политика центрального банка РФ и динамика российской экономики в 2015–2017 гг. // Экономическая наука современной России. 2018. № 4 (83). С. 85–102. [Manевич V.E. Monetary Policy of the Central Bank of the Russian Federation and the Dynamics of the Russian Economy in 2015–2017 // Economic Science of Contemporary Russia. 2018. No. 4 (83). Pp. 85–102. (In Russ.).] EDN: YUCCHB.
8. Мясников А., Тарасов В., Аверьянова А., Ткаченко М. Оценка бюджетного импульса и его неоднородное влияние на инфляционные процессы в регионах России / Серия докладов об экономических исследованиях. Банк России. 2023. № 118. [Myasnikov A., Tarasov V., Averianova A., Tkachenko M. Assessing the Budget Impulse and Its Heterogeneous Impact on Inflation Processes in Russia's Regions / Series of

- Economic Research Reports. Bank of Russia. 2023. No. 118. (In Russ.).] https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/154817/WP_118.pdf.
9. Некипелов А.Д. От нейтрализации внешних шоков к устойчивому долгосрочному развитию // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248. № 4. С. 130–142. [Nekipelov A.D. From Neutralizing External Shocks to Sustainable Long-Term Development // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2024. Vol. 248. No. 4. Pp. 130–142. (In Russ.).] DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-130-142.
10. Николаев И.А. Возможности и ограничения бюджетного импульса в экономической политике России в условиях санкций / Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2024. [Nikolaev I.A. Potential and Limitations of Budget Impulse in Russia's Economic Policy under Sanctions / Research Report. Moscow: Institute of Economics RAS, 2024. (In Russ.).] https://inecon.org/docs/2024/Nikolaev_paper_2024.pdf.
11. Пак Е.А., Пекарский С.Э. Рост государственного долга: возвращение финансовой репрессии и высокой инфляции? // Вопросы экономики. 2024. № 1. С. 33–51. [Pak E.A., Pekarsky S.E. Growth of Public Debt: The Return of Financial Repression and High Inflation? // Voprosy Ekonomiki. 2024. No. 1. Pp. 33–51. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-33-51.
12. Ширев А.А. Российская экономика – возможности структурно-технологического маневра // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 241. № 3. С. 61–71. [Shirov A.A. Russian economy – possibilities of structural and technological maneuver // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2023. Vol. 241. No. 3. Pp. 61–71. (In Russ.).]
13. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth in: Handbook of Economic Growth / Aghion, Philippe and Durlauf, Steven eds. Elsevier. 2005. Vol. 1. Part A. Ch. 06. Pp. 385-472.
14. Auerbach A., Gorodnichenko Y. Measuring the Output Responses to Fiscal Policy // American Economic Journal: Economic Policy. 2012. Vol. 4. No. 2.
15. Barro R. Government Spending in a Simple Model of Endogenous Growth, Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. No. 5. Pp. 103–126. DOI:10.1086/261726.
16. Bleaney M., Gemmell N., Kneller R. Testing the Endogenous Growth Model: Public Expenditure, Taxation, and Growth over the Long Run // The Canadian Journal of Economics / Revue Canadienne d'Economique. 2001. Vol. 34. No. 1. Pp. 36–57. <http://www.jstor.org/stable/2667400>. DOI: 10.1111/0008-4085.00061.
17. Friedman M. Inflation Causes and Consequences. Asian Publishing House, 1963.
18. International Monetary Fund. Government Expenditure and Economic Growth: An Empirical Investigation / IMF Working Papers 1989/045, International Monetary Fund, 1989. DOI: 10.5089/9781451974157.001.
19. Lucas R.E.Jr. Principles of Fiscal and Monetary Policy // Journal of Monetary Economics. 1986. Vol. 17 (January). Pp. 117–134.
20. Phelps E. The Golden Rule of Accumulation: A Fable for Growthmen // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. No. 4. Pp. 638–43. DOI: 10.1016/B978-0-12-554002-5.50007-8.
21. Romer P.M. The Origins of Endogenous Growth // The Journal of Economic Perspectives. 1994. Vol. 8. No. 1. Pp. 3–22. DOI: 10.1257/jep.8.1.3.
22. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. No. 70 (1). Pp. 65–94. DOI: 10.2307/1884513.

Дата поступления рукописи: 07.10.2025 г.

Дата принятия к публикации: 18.11.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Букина Ирина Сергеевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9289-2899
ibukina79@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina S. Bukina – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9289-2899
ibukina79@yandex.ru

INVESTMENTS AS A FACTOR IN STRUCTURAL RECONSTRUCTION OF THE RUSSIAN ECONOMY: THE ROLE OF BUDGETARY FUNDS

This article examines the effects of budgetary financing allocated for the Russian economy structural transformation. Due to the lack of detailed data on consolidated budget expenditures of the Russian Federation, the analysis is based on aggregated indicators of investments financed by budgetary funds. It is shown that budgetary investments do not directly correlate with GDP growth, but they do influence the dynamics of investments financed by organizations' own funds. Based on the analysis, an assessment of the contributions of individual types of economic activity to the process of structural transformation of the Russian economy is made.

Keywords: *budget, fiscal sphere, fiscal stimulus, state program, investment, national projects, structural transformation, technological sovereignty.*

JEL: H32, H54, H57.